

Нужно ли «осовременивать»
классику?

УРОКИ ГОГОЛЯ

Слово народному артисту СССР
Игорю ИЛЬИНСКОМУ

— Игорь Владимирович, за свою жизнь вы сыграли много ролей классического репертуара. И каждая из них была замечательна, всегда звучала современно. Например, Аким из «Власти тьмы» Толстого... Вам, несомненно, удался этот «несовременный» персонаж.

— Когда-то мне приходилось играть Тихона в «Грозе» — простого русского человека, поставленного жизнью в трагические условия, но все же сохранившего непосредственность души, совесть, тягу к правде и состраданию. Это увиделись мне и в Акиме. Правда, есть между ними принципиальная разница. В Тихоне все шатко, неопределенно. Аким же — человек твердых жизненных принципов. Ему чужды ложь, власть, насилие. Я хотел раскрыть в этом образе то лучшее, что свойственно русскому человеку, его благородную, чистую душу, многовековой опыт трудовой жизни народа. Мой Аким верит прежде всего в человека, совесть его, честность и доброту. Чтобы этот образ звучал современно, важно было еще найти точную меру в языке, чтобы бесконечные «тае» и «не тае» не стали назойливыми, точную меру и во внешнем облике, чтобы излишняя «патриархальность» не превратилась в лубочное благообразие...

— Что, с вашей точки зрения, может служить критерием при выборе театром пьес русской классики для постановки?

— Вопрос этот злободневный. Нет в нашей стране театра, в котором бы почти половину репертуара не составляла классика, и не только русская, но и зарубежная. Интерес наших театров к великим произведениям вполне понятен, но он все-таки кое к чему и обязывает. Скоро мы будем широко отмечать 150-летие со дня рождения выдающегося русского драматурга Александра Николаевича Островского. Его перу принадлежит сорок семь оригинальных произведений самого различного характера, начиная от драм, лучшим образцом которых может служить знаменитая «Гроза», и кончая такими историческими хрониками, как «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» и сказочная «Снегурочка». Какие из сорока семи пьес Островского выбрать для постановки?

Если вспомнить даже самые популярные его пьесы, то и эта задача весьма трудна. Такое обилие тем, драматургических решений интереснейших! Обличение самодурства и произвола мы находим в таких пьесах, как «Бедность не порок», «Не все коту масленица». В «Доходном месте» вскрыта тема взяточничества, продажности, цинизма. Здесь важен и другой мотив: крушение нравственных иллюзий о службе «делу, а не лицам». Помните, мотив этот был и у Грибоедова: «Служить бы рад — прислуживаться тошно», — говорит Чацкий. Три десятилетия разделяют «Горе от ума» и «Доходное место», а что изменилось? В «Горячем сердце» Островский показывает тех, кто паразитирует, занимаясь вымогательством и поборами с беззащитных обывателей. В комедии «Не в свои сани не садись» зло высмеивается слепое, бездумное подражание всему иностранному. Образы всевозможных прожигателей жизни выведены в «Бешеных деньгах», «Талантах и поклонниках», «Последней жертве», «Бесприданнице»...

Я не хочу, разумеется, сказать, что в пьесах Островского выведены только отрицательные персонажи. Совсем нет. Благородные порывы ума и сердца, образцы самоотверженной любви, искренности, доброты, чистоты нравственного чувства драматург показал в образах Жадова, Ларисы, Мити, Несчастливцева, Мелузова, Любима Торцова. В том мире, где они живут, их помыслам, мечтам и стремлениям не суждено сбыться.

Я назвал лишь несколько пьес Островского, которые представляют интерес для современного зрителя. Но и во многих других благодаря удивительно богатству и неисчерпаемости характеров можно выявить режиссерским мастерством и актерским искусством мотивы, которые будут звучать остро современно и сегодня.

Мне кажется, заслуживают внимания те произведения классиков, в которых тонко и психологически верно показаны определенные качества, вообще свойственные человеческой природе и проявляющиеся в тех или иных ситуациях при определенных обстоятельствах. Глубоко проникая в тайники человеческой души, великие драматурги учат нас разбираться в людях, разгадывать их намерения и правильно оценивать поступки. Такие спектакли всегда поучительны...

— Стало довольно-таки распространенным правилом «осовременивать» пьесы классиков путем «доработок», «переработок», а иногда и «дописок» их произведений...

— Это либо наивное заблуждение некоторых режиссеров, либо намеренно созданная ими «теория», чтобы оправдать всевозможные «новшества» и «открытия». Они полагают, что классика сама по себе без их помощи и вмешательства не сможет быть современной. Но в том-то и состоит искусство, в частности, режиссера, чтобы «вернуть» пьесу нужной ему гранью, не пренебрегая при этом авторским замыслом.

А то бывает еще и так: в гелях вящего осовре-

менования спектакля, в угоду конъюнктурным соображениям, из него произвольно изымаются реплики и даже мизансцены. Например, из «Горя от ума» одно время удаляли совет Чацкого, у кого нам следует учиться «премудрому незнанию иноземцев». Не везло иногда в этом смысле и «Ревизору». Из него убрали заключительные слова, обращенные в зал: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!»

Я глубоко убежден, что современность драматургической классики достигается вовсе не подчеркнутыми модными костюмами, не стилизованной и упрощенной, как теперь принято, декорацией, к тому же нарочито изготвленной из современных синтетических материалов, не крылатыми словечками вроде «железно», «до лампочки», «приветик» и т. д., искусственно введенными в текст, нехарактерными жестами, манерами и мимикой. Современным должен быть дух самой постановки, события и чувства понятными, впечатляющими и достоверными. Настоящее современное решение классики я вижу в том, чтобы людям были психологически понятны человеческие поступки, чтобы они не выглядели холодными, умозрительными. Это значит, что мысли и чувства героев, характер взаимоотношений должны быть выражены близкими и понятными нам современными средствами. Мне, например, всегда трудно играть, если обстоятельства не соответствуют создаваемому мною образу.

— А как оцениваете вы постановку «Ревизора» в Театре сатиры?

— «Ревизор» сегодня поставлен не только в Московском театре сатиры, но и в Ленинградском Большом драматическом театре имени Горького, во многих театрах страны. Комедия близка современному зрителю, она затрагивает общечеловеческие проблемы. Хлестаков и «хлестаковщина» — это оборотная сторона общественной системы, основанной на взятках, казнокрадстве и чиновничестве. По словам самого Гоголя, «и ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым». Для всех народов этот образ стал с тех пор блещущим примером очковитательства и прохиндейства, приспособленчества и паразитизма.

Мне кажется, что важный общественный и социальный смысл образа Хлестакова оказался в постановке Театра сатиры смазан. Уже хотя бы потому, что в ней вопреки «предуказаниям» самого Гоголя произвольно изменены акценты, и то, что является для нас в комедии наиболее ценным и значительным, оказалось второстепенным. «Ревизор» в Театре сатиры — наглядный пример того, как ради мнимой современности, из желания избежать привычного, традиционного толкования персонажей можно отойти от авторского замысла, лишит произведение художественной цельности.

Вот простой пример. Городничий вовсе не глуп, «как сивый мерин», и не настолько страх подавил пронзительность Городничего, чтобы он поверил в нелепицу и действительно не сумел разглядеть в Хлестакове — Миронове проходимца, ничтожество, «пустышку», «сосульку». Миронов ведет себя как шут гороховый, ходит заплетаящимися ногами, играет такого же откровенного шалопаи, как в «Бриллиантовой руке». Экцентричность созданного им образа не присуща характеру Хлестакова. Он явно не сумел, говоря словами Гоголя, поймать общечеловеческое выражение роли, рассмотреть, зачем призвана эта роль.

Городничий не может испытывать никакого напряжения от страха перед таким Хлестаковым. Умный Городничий — Папанов просто играет с ним, как кошка с мышкой. Но разве это имел в виду Гоголь? Он показал Хлестакова и всю ситуацию, возникшую в связи с его неожиданным и таинственным появлением в городе, как плод гипноза всеобщего страха перед началом, результат психологического самоослепления заворовавшихся чиновников, сознающих, что они заслуживают суда и кары.

Молодой талантливый артист Андрей Миронов, как я понимаю, вознамерился «заострить» Гоголя (ведь спектакль идет в Сатирике). Но уж таков Гоголь, что подобные попытки превращают его либо в дурной водевил, либо в примитивный фарс. Берясь за роль Хлестакова, важно доверять самому Гоголю и ничего «не играть» сверх того, что предусмотрено им. И вот — результат: зрители, пришедшие в театр, получают о «Ревизоре» совсем не то понятие, на которое рассчитывал автор. Больше того, понятие превратилось, потому что не видят в образе Хлестакова ничего заслуживающего серьезного внимания. Они попросту не понимают, почему имя Хлестакова стало нарицательным и в чем смысл хлестаковщины. И не удивительно, что после такого спектакля у зрителей может возникнуть недоверие к классике, сомнение в ее современности.

— В чем для нас ценность классики?

— Классика не существует вне времени и пространства. Она не может быть внеисторична, потому что при этом нарушается основной закон искусства и литературы, сформулированный еще Энгельсом, — «типичные характеры в типичных обстоятельствах». Если нарушаются обстоятельства, искажаются и образы. Лишенные реальной «родной почвы», они утрачивают психологическую жизненную правду.

Если мы ставим классику, мы должны воспроизводить в живых характерах только то время, которое имел в виду автор, дававший прежде всего острый социальный анализ общественного порядка определенной эпохи. Ради этого он, собственно, и брался за перо. Писал потому, что не мог молчать. Но, сохраняя «обстоятельства времени», эпоху, нужно в то же время приближать ее актерским решением, близким нам в психологическом плане. Заставить зрителей понять правду поступков, правду действия — значит сделать классику современной.

Бессмертные образы классических произведений обладают огромной силой эмоционального воздействия. Они, говоря словами того же Гоголя, дают «живой полезный» урок, обогащают человека, способствуя его нравственному совершенствованию. Это ценное качество классики и делает ее необходимой для каждого нового поколения.

Беседу вел Ил. ОКУНЕВ.